

1

— Я чувствую, что я другая, — прошептала она.

На ее слова никто не обратил внимания. Матроны сновали вокруг нее, поправляя то фату, то тесьму, то бант, галантерейщица укорачивала юбку, вдова землемера надевала на ее ноги расшитые туфельки; девушка держалась неподвижно и чувствовала, что становится вещью — увлекательной, способной привлечь внимание соседок, но все же вещью.

Луч солнца проник через мансардное окно и наискосок пересек комнату. Анна улыбнулась. Золотистый свет нарушал полумрак мансарды, она стала похожа на подлесок, который осветила заря, только вместо папоротников были корзины с бельем, а вместо ланей — девушки. Несмотря на непрерывную болтовню, Анна вслушивалась в проникающее в комнату молчание; странное, безмятежное, плотное, оно шло издалека и сквозь пересуды кушечек доносило некое послание.

В надежде на то, что кто-нибудь из них расслышал его, Анна посмотрела по сторонам, но не поймала ни одного взгляда. Вынужденная терпеть их старания украсить ее, она не была уверена, не произнесла ли эту фразу вслух: «Я чувствую, что я другая». Что она могла добавить? Через несколько часов она выйдет замуж, но с самого пробуждения

она ощущала лишь приход весны, заставляющей раскрываться бутоны. Природа привлекала ее куда больше, чем жених. Анна догадывалась, что счастье там, — оно спряталось за деревом, словно заяц; она видела кончик его носа; ощущала его присутствие, его зов, его нетерпение... Она испытывала зуд в ногах — хотелось бежать, кататься по траве, обнимать стволы деревьев, полной грудью вдыхать воздух с витающей в нем пылью. Главным сегодняшним событием был сам день — прохладный, ослепительный, щедрый, — а не предстоящая свадьба. Ее грядущий союз с Филиппом казался ей ничего не значащим по сравнению с этим сиянием, с апрелем, что заполонил поля и леса, с новой силой, порождавшей крики кукушек, первоцветы, чертополох. Ей хотелось бежать из тесной комнатки, где шли приготовления к свадьбе, вырваться из рук, что пытались украсить ее, и броситься нагой в такую близкую речку.

Миновав оконный переплет, луч света натолкнулся на тень кружевной занавески на неровной побелке стены. Анна ни за что не посмела бы потревожить этот чарующий луч. Нет, даже если бы ей сказали, что в доме пожар, она бы не шелохнулась, сидя на этом табурете.

Она вздрогнула.

— Ты что-то сказала? — спросила ее двоюродная сестра Ида.

— Ничего.

— Ты мечтаешь о нем, да?

Анна опустила взгляд.

Это подтвердило подозрения Иды, и она, одолеваемая похотливыми мыслями, разразилась пронзительным хохотом. Последние недели она пыта-

лась совладать с завистью, и ей это удавалось, лишь превратив ее в игривую насмешку.

— Анне уже кажется, что она в объятиях Филиппа! — провозгласила она сдавленным голосом. — Первая ночь будет жаркой. Не хотелось бы вечером оказаться на месте матраса.

Женщины заворчали, одни поддерживали Анну, другие порицали Иду за пошлость. Вдруг дверь распахнулась. Тетя и бабушка Анны величественно, как на сцене, вплыли в комнату.

— Наконец-то ты увидишь то, что увидит твой муж! — в один голос воскликнули они.

Из сборок своих черных платьев они выхватили, словно кинжалы, две коробочки резной кости и осторожно приоткрыли их: в каждой было зеркало, оправленное в серебро. Их действия сопровождал изумленный шепот: присутствующие сочли, что стали свидетелями необыкновенного зрелища. В повседневной жизни зеркалá попадались крайне редко, а если вдруг у кого и нашлось бы зеркальце, то оловянное, из шлифованного выпуклого металла, где отражение казалось запотевшим, неровным, тусклым; эти же зеркала были сделаны из стекла и отражали реальность в четких очертаниях и ярких красках. Послышались восторженные восклицания.

Волшебницы, потупившись, приняли заслуженные комплименты, а затем немедленно перешли к действию. Тетя Годельева встала перед Анной, а бабушка Франциска сзади, за ее спиной, каждая держала зеркало, как щит, на вытянутой руке. Сознавая всю важность момента, они торжественно объяснили девушке, что делать:

— В переднем зеркале отражается то, что сзади. Таким образом, ты сможешь увидеть, как ты выгля-

дишь с затылка или в профиль. Помоги нам правильно встать.

Подошедшая Ида не скрывала зависти.

— Где вы взяли эти зеркала?

— Нам их одолжила графиня.

Все заплодировали такой удаче: подобное сокровище могло принадлежать лишь знатной даме; торговцы даже не предлагали зеркала простолюдинам — куда такое бедноте!

Анна глянула внутрь круглого ободка, рассмотрела свое удивленное лицо, оценила замысловатые завитки светлых волос, уложенных в изящную прическу, удивилась, какая у нее длинная шея и изящные ушки. Однако ее не покидало странное чувство: хотя ничего неприятного в зеркале не отражалось, увиденное было совершенно непривычным — она смотрела на незнакомку. Ее перевернутое изображение — в фас, сбоку или сзади — могло принадлежать и ей, и кому угодно другому; оно совсем не походило на нее.

— Ты довольна?

— О да! Спасибо.

Не отличавшаяся тщеславием Анна, отвечая на вопрос тетки, думала, что та спрашивает о зеркале.

— Ты что, не отдаешь себе отчета в том, как тебе повезло?! — рявкнула бабушка Франциска.

— Конечно отдаю, — возразила Анна, — мне очень повезло, что оно мне досталось.

— Да нет, я имела в виду Филиппа. Другого такого не сыщешь.

Соседки степенно закивали. Мужики в Брюгге большая редкость. Никогда еще в городе не было такого дефицита... Мужчины исчезли. Сколько их осталось? Один на двух баб? Может, даже один на трех. Бедная Фландрия была поражена стран-

ным недугом: нехваткой сильного пола. За несколько десятилетий мужское население на севере Европы снизилось настолько, что это уже вызывало опасения. Многим женщинам пришлось смириться с одинокой жизнью или уйти в монастырь; некоторые отказались от материнства; самые смелые, чтобы справиться с нуждой, овладели мужскими ремеслами — кузнечным или столярным делом.

Галантерейщица строго взглянула на приятельницу, расслышав в ее голосе упрек.

— Так было угодно Господу! — заявила она.

Бабушка Франциска вздрогнула, испугавшись, что ее могут обвинить в богохульстве.

— Разумеется, это Господь послал нам такое испытание! — торопливо исправились она. — Это Господь призвал наших мужчин отправиться в Крестовые походы. Во имя Его они гибнут, сражаясь с неверными. Господь убивает их в море, на дорогах, в лесах. Господь убивает их на работе. Господь призывает их к себе раньше нас. Это по Его милости мы хиреем без них.

Анна поняла, что бабка Франциска ненавидит Бога; она выказывала скорее страх, чем обожание, описывая Его как грабителя, палача, убийцу. Анне, напротив, не казалось, что Бог таков или что Он действовал там, где виделся бабке.

— У тебя, милая Анна, все сложится как встарь: муж, много детей. Ты счастливица. К тому же твой Филипп не мужлан. Не так ли, дамы?

Те закивали, смеясь — одни от смущения, другие от возбуждения, — что кто-то интересуется их мнением по такому вопросу. Шестнадцатилетний Филипп был крепким фламандским парнем, с длинными ногами, узкой талией, широкими плечами, светлой кожей и лохматой копной волос.

Тетя Годельева воскликнула:

— А знаете, жених-то стоит на улице, поджидает невесту!

— Да ну?

— Он знает, что мы ее одеваем, он просто вскипел. Как вода на огне! Если бы от нетерпения можно было помереть, его бы уже давно в живых не было.

Анна подошла к окну; промасленную бумагу с рам уже сняли, чтобы впустить весну. Стараясь не заслонить свет, она наклонилась и увидела стоявшего на мостовой Филиппа, который весело болтал с друзьями, приехавшими из Брюгге в Сент-Андре, деревню, где жила бабка Франциска, в миле от большого города. Да, время от времени поглядывая на верхний этаж, он ждал ее, страстно и радостно. Анна с облегчением вздохнула. Она не должна сомневаться!

Анна жила в Брюгге уже год. До этого она знала лишь одинокую ферму на севере, где тяжелые облака придавили плоскую, вонючую, влажную землю; она жила там с теткой, ее мужем и дочерьми. Другой семьи у нее не было — мать Анны умерла при родах, так и не раскрыв имени ее отца. При жизни дяди девочка ни разу не покидала ферму, а когда тот помер, тетя Годельева решила переехать в Брюгге, поближе к братьям. Недалеко оттуда их мать Франциска доживала дни в деревеньке Сент-Андре.

Для Годельевы переезд в Брюгге был возвращением к истокам, но для Анны, а также Иды, Хедвиги и Бенедикты — ее трех кузин — переезд стал настоящим потрясением. Из деревенских девчонок они превратились в горожанок, из девочек — в де-

вушек. Ида, старшая, была намерена как можно скорее связать свою судьбу с мужчиной и атаковала имевшихся в наличии парней с почти мужским пылом и смелостью, что не принесло ей успеха. Так что работавший в обувной лавке Филипп, ответив на заигрывания Иды, решил покорить сердце Анны, даря ей каждое утро по цветку. Он без смущения признался Иде, что воспользовался знакомством, чтобы добраться до ее двоюродной сестры. Эта в общем-то банальная уловка сильно огорчила Иду, а радости Анне почти не доставила. Та смотрела на окружающих не так, как ее подруги: девушки распознали в подмастерье сапожника явного удальца, а Анна видела угловатого длинноногого мальчишку, смущенного своим новым телом, которое то и дело на что-нибудь натыкалось. Филипп вызывал у нее жалость. Она угадывала в нем девичьи черты — волосы, нежные губы, бледная кожа. Во взволнованных интонациях его баритона ей слышался отзвук мальчишеского звонкого голоса. Идя вместе с ним на рынок, она отмечала признаки шаткого, изменчивого взросления; именно это ее и привлекало, ей вообще нравилось наблюдать, как растут цветы и деревья.

— Хочешь сделать меня счастливым? — как-то раз спросил ее Филипп.

Покраснев, она сразу искренне ответила:

— Да, конечно!

— Совсем счастливым? — умоляюще спросил он.

— Да.

— Будь моей женой.

Такая перспектива прельщала ее куда меньше: неужто и он туда же? Он рассуждал как ее кузина, как все досаждавшие ей люди. К чему эти услов-

ности? Анна с присущей ей непосредственностью попыталась уладить дело:

— А тебе не кажется, что я могла бы сделать тебя счастливым просто так, может, мне не обязательно выходить за тебя замуж?

Он с подозрением отодвинулся:

— Разве ты из этих девиц?

— О чем ты говоришь?

У юношей порой бывают непонятные реакции...

Почему его так поразили ее слова? Почему он хмуρο уставился на нее?

Мгновение спустя Филипп с облегчением улыбнулся, решив, что в словах Анны нет подвоха. Он повторил:

— Я бы хотел на тебе жениться.

— Почему?

— Каждому мужчине нужна жена.

— Но почему я?

— Потому что ты мне нравишься.

— Почему?

— Ты самая хорошенькая и...

— И?..

— Ты самая хорошенькая!

— И что с того?

— Ты самая хорошенькая!

Поскольку она расспрашивала его не из кокетства, комплимент несколько не польстил ей. Вечером, вернувшись домой, она простодушно спросила тетюшку:

— Что, всего-то и надо быть хорошенькой? Он красивый, я хорошенькая.

На следующий день она попросила Филиппа пояснить свою мысль:

— Почему ты и я?

— Ты и я — с нашей внешностью у нас будут замечательные дети! — воскликнул он.

Вот оно как, Филипп подтвердил то, чего она опасалась! Он говорил как скотовод, как фермер, спаривающий своих лучших животных, чтобы они размножились. Значит, это и есть любовь между людьми? И ничего больше? Если бы можно было поговорить об этом с матерью...

Производить себе подобных — неужто этого с таким нетерпением жаждали окружающие ее женщины? И даже необузданная Ида?..

Мечтательница Анна на предложение пожениться так и не ответила. Пылкий Филипп трактовал это кроткое молчание как согласие. Опьяненный своим счастьем, он принялся докладывать об их грядущем союзе каждому встречному-поперечному, рассказывая о своей удаче.

Анну поздравляли на улице, а она, удивленная, не опровергала. Потом ее поздравили кузины, и в том числе Ида, которая тешила себя мыслью, что очаровательная сестрица перестанет маячить на брачном рынке. И наконец, тетушка Годельева, ликуя, захлопала в ладоши, потом, прослезившись, она успокоилась, что исполнила свой долг — привела к алтарю дочь обожаемой покойной сестры. И чтобы не огорчать эту добрую душу, Анна, загнанная в ловушку, была вынуждена молчать. Вот так из-за недомолвок недоразумение обрело привкус правды: Анна выходит замуж за Филиппа.

С каждым днем восторг родни казался ей все более нелепым, но, внушив себе, что, вероятно, не понимает чего-то важного, девушка позволяла осмелевшему Филиппу целовать и обнимать ее.

— Ты будешь любить только меня, и никого больше!

— Филипп, это невозможно. Я уже люблю других.

— Как это?

— Тетю, кузин, бабушку Франциску.

— А парня?

— Нет. Но я мало кого знаю, не успела познакомиться.

Когда Анна пускалась в подобные уточнения, он смотрел на нее пристально, недоверчиво, подозрительно; потом, поскольку она выдерживала его немигающий взгляд, разражался хохотом.

— Ты пошутила, а я и поверил! Ты меня напугала, дрянная девчонка!.. Вот хитрюга! Умеешь увильнуть, чтобы мужчина окончательно втюрился, увяз поглубже и думал только о тебе.

Не улавливая его логики, она не настаивала на разъяснениях, а Филипп после таких сцен прилеплялся к ней, глаза сверкали, губы трепетали. Анна теперь уже испытывала удовольствие, тая в его объятиях; она полюбила его кожу, запах, упругое горячее тело; прильнув к нему в опьянении, она отстраняла сомнения.

Мансарду перечеркнула тень. Плотность воздуха изменилась.

Анна подскочила: Ида вдребезги разбила луч света. Будущая новобрачная ощутила боль в животе, будто ударом кулака кузина выпустила ей кишки. Анна с упреком воскликнула:

— О нет, Ида, нет!

Та остановилась, удивленная, готовая защищаться, царапаться, не понимая, что своими юбками стерла солнечный луч.

— Что? Что я сделала?

Анна вздохнула, понимая, что никогда не сможет объяснить ей, что она уничтожила бесценное

сокровище, истинный шедевр, над которым небесное светило трудилось в комнате с самого рассвета. Ничтожная Ида! Грубая и упрямая, она со своими непристойно широкими бедрами разрушила памятник красоты и даже не заметила этого.

Анна попыталась схитрить:

— Ида, а ты не хочешь посмотреться в оба зеркала? Встань на мое место.

Она обратилась к тете и бабушке:

— Я была бы рада, если бы мои кухни тоже смогли воспользоваться подарком.

Ида сперва изумилась, но потом встала рядом с Анной и умоляюще посмотрела на взрослых. Те было поморщились, но, тронутые сердечной простотой Анны, разрешили.

Хедвига, самая юная, тут же плюхнулась на табуретку:

— Давайте я!

Ида чуть было не столкнула сестру с места, но сдержалась, сознавая, что, как старшая, должна сохранять достоинство. Раздосадованная, она отошла к окну.

На Анну нахлынуло отвращение: Ида опять рассекла луч света, не замечая, что тот скользит по ее груди и лицу. Она его не чувствовала. Ну что за животная тупость!

Увидев стоявшего на улице Филиппа, Ида улыбнулась, но через мгновение опять нахмурилась:

— Он не сильно обрадовался. Он выглядывает тебя, а не меня.

С потухшим взглядом, искаженным лицом, Ида с трудом перевела дух. Склонившись к ней, Анна, заметив ее страдания, протянула руку к кухне и тихо сказала:

— Я бы тебе его отдала...

— Что?!

Ида подскочила, она была уверена, что ослышалась.

— Я бы с удовольствием отдала Филиппа тебе...

— А?

— ...если бы он не был влюблен в меня.

Анна думала, что сказала что-то приятное.

Раздался звук пощечины.

— Дрянь! — прошипела Ида.

Анна, ощутив, как жжет щеку, поняла, кому досталась пощечина: Ида ударила ее. Женщины, прервав разговор, обернулись.

— Соплячка, ты так уверена, что меня никто не захочет?! Я тебе покажу, что ты не права! Я докажу это! Вот увидишь, десятки мужчин будут у моих ног. Сотни!

— Достаточно одного, — мягко поправила ее Анна.

На нее обрушилась вторая оплеуха.

— Черт возьми! Ты опять за свое! Ты уверена, что мне и одного не видать! Вот дрянь! Злючка!

Тетя Годельева вмешалась:

— Ида, успокойся!

— Мама, Анна просто вывела меня из себя. Она утверждает, что я мерзкая уродина!

— Вовсе нет. Я согласна с Анной — она высказала то, что я думаю: одного мужчины вполне достаточно, тебе вовсе ни к чему соблазнять ни десяток, ни тысячу.

Ида с вызовом посмотрела на мать, словно желая сказать: «Говори-говори, там видно будет!» Годельева, вздернув подбородок, потребовала:

— Извинись перед Анной!

— Никогда!

— Ида!

Ида, покрасневшая от гнева, с проступившими на шее жилами, заорала:

— Да лучше сдохнуть!

Передав зеркальце вдове землемера, Годельева ринулась к дочери. Ида отступила; она бесстрашно пересекла комнату и согнала младшую сестру с табуретки, заявив:

— Теперь моя очередь.

Избегая открытого столкновения с раздраженной дочерью (эту схватку она бы проиграла), Годельева велела приятельницам подчиниться. Затем она обратилась к племяннице:

— Анна, мне кажется, Ида тебе завидует. Она надеялась первой выйти замуж.

— Знаю. Я ее прощаю.

Тетя поцеловала девушку:

— Ах, если бы у Иды был твой характер...

— Она станет лучше, когда получит то, чего желает. Когда-нибудь она избавится от злобы.

— Надеюсь, ты права! — сказала Годельева, ласково прикоснувшись к виску Анны. — Во всяком случае, мне и радостно и горько. Мне горько оттого, что я реже буду тебя видеть. И радостно, что ты нашла хорошего парня.

Спокойный голос тети Годельевой описывал ее судьбу. Анна приободрилась, мучившие ее вопросы утратили остроту. Успокоившись, она подставила лицо прохладному воздуху.

На карниз присел мотылек. Его крылышки — снизу лимонно-желтые, а сверху зеленые — вздымались, будто он дышит. Опустившись, чтобы привести себя в порядок, насекомое, не подозревавшее,

что за ним наблюдают, потерло хоботок передними лапками. Анна зачарованно глядела на него: ей казалось, что крылья мотылька вобрали в себя весь небесный свет; сосредоточившись в крошечном насекомом, он словно бы попал в заточение. Мотылек блистал, а все, что его окружало, серело на глазах.

— Какой красивый! — с дрожью в голосе сказала Годельева.

— Не правда ли?! — прошептала Анна, обрадовавшись, что может разделить свое восхищение с тетей.

— Изумительный! — подтвердила Годельева.

— Я могла бы часами его разглядывать.

Годельева пожала плечами:

— Анна, это тебе и предстоит. Отныне это твое право. Более того, твоя обязанность.

Анна повернулась к тетке, озадаченная. Та продолжила:

— Ты будешь принадлежать ему, а он тебе.

Анна улыбнулась. Как это? Она будет принадлежать мотыльку... который будет принадлежать ей? Что за волшебство ей предлагают? Это уж точно лучшая новость дня. Лицо девушки разрумянилось в нетерпении.

Годельева, растрогавшись, обхватила ладонями щеки племянницы.

— Как ты его любишь! — воскликнула она. Повернувшись к окну, она указала на маячившую вдалеке фигуру. — Надо признать, эта шляпа ему очень идет.

Анна в смятении обратила взор в ту сторону, куда глядела Годельева, и увидела Филиппа в фетровой кепке с пером. Она вздрогнула. «Я просто

ненормальная», — подумала она. Все не так! В окно можно было увидеть и Филиппа, и мотылька, но невеста смотрела на мотылька, а тетушка — на жениха Анны.

— Что такое? Что это за пятно? — вдруг выкрикнула Ида.

Сидя на табурете, бледная от ярости девушка показывала пальцем на зеркальце, которое держали перед ней. Опасаясь припадка, бабушка Франциска сунула второе зеркальце в карман.

— Ничего. Тебе что-то померещилось. Там ничего нет.

— Тогда не убирай зеркало.

Перепуганная бабушка вернула зеркальце на прежнее место. Ида заметила, что у нее сзади на шее фиолетовое родимое пятно. О существовании этого пятна было известно всем, кроме нее.

— Ах, это отвратительно! Ужасно!

Ида вскочила, кипя от ярости. От удивления бабушка Франциска разжала руку. Что-то упало на пол. Послышался звон бьющегося стекла. Звуку вторило изумленное молчание.

Зеркало разбилось. Серебряная рамка уцелела, но из нее торчали разрозненные осколки, которые, словно в безумном беспорядке отражали разные уголки комнаты. Франциска застонала. Гodelьева бросилась к ней:

— Боже мой, что скажет графиня!

Женщины, затаив дыхание, склонились над осколками, будто над покойником. Ида кусала губы, не зная, что оплакивать — родимое пятно на затылке или разбитое зеркало.

Женщины тихо совещались, уверенные, что графиня может их слышать.

— Нужно найти кого-нибудь, кто сможет его починить.

— Но где? Здесь, в Сент-Андре, нет никого, кто...

— Кажется, я знаю. В Брюгге есть художник...

— Не будьте дурами: сперва мне придется во всем признаться.

— Скажешь ты правду или нет, все равно придется покупать новое зеркало.

— Боже мой, но как?

— Я заплачу за зеркало, — заявила Франциска. — Мы у меня дома, и уронила его я.

— Потому что Ида тебя напугала...

— Я заплачу, — повторила старуха.

— Нет, я! — возразила Ида.

— А деньги где взять? — проворчала Годельева.

Когда они обсудили все варианты, зазвонил пузатый деревенский колокол, напоминая им, что венчание вот-вот начнется.

Годельева подняла голову:

— Анна?

Девушка не отвечала. Годельева, вздрогнув, велела:

— Анна, иди сюда!

Женщины осмотрели мансарду, затем весь этаж: невесты нигде не было.

— Небось помчалась к своему любезному, — заключила бабушка Франциска.

Годельева подняла с пола пару туфель.

— Без сабо?

Вдова землемера указала на свой подарок, валившийся у лестницы:

— И без расшитых башмачков, которые я ей одолжила?

Ида кинулась к окну:

— Филипп все еще ждет внизу.

— Тогда где же Анна?

Женщины переходили из комнаты в комнату, выкликая девушку. Спустившись на первый этаж, Годельева открыла заднюю дверь, выходящую на луг, и обнаружила на влажной земле следы босых ног, терявшиеся в траве, что тянулась до самого леса.

— Не может быть! Сбежала?!

Следы, далеко отстоявшие друг от друга, хранили лишь форму пальцев ног. Похоже, Анна воспользовалась происшествием с зеркалом: она спустилась с крыльца, легко пробежала через луг к лесу и скрылась.

2

Лаго Маджоре, 20 апреля 1904 г.

Дорогая Гретхен!

Нет, милая, ты не ошиблась, тебе пишет именно Ханна, твоя Ханна. И если ты согласишься на приложенный к письму портрет, то рядом с одетым по-царски сияющим молодым мужчиной ты под экстравагантной многоярусной шляпой увидишь коротышку со смущенной улыбкой: это вновь я. Да, можешь прыснуть со смеху. А, уже смеешься? Ты не ошиблась, я глупа. Чего же ты хочешь? У Франца есть два недостатка, которые он скрывал от меня до свадьбы: он обожает шляпы и коллекционирует воспоминания. Что в результате? Побывав у модисток, он превратил меня в клетку с птицами, в девушку с фруктовой корзиной на голове, в вазу с цветами, в грабли, собравшие урожай лент, сло-

вом, в расфуфыренный павлиний зад, а затем радостно повлек к фотографу, чтобы увековечить мое посмешище.

Чтобы таскать на голове подобные сооружения, следует быть или более уродливой — вроде нашей тети Августы, чей крючковатый нос только выиграл бы, затененный фетром, — или красавицей вроде тебя! Но Францу так нравятся шляпы, что он не замечает, что этим шляпам совсем не нравлюсь я.

Итальянская графиня, которой я в Бергамо поведала эту драму, поправила меня, сурово уточнив:

— Вы принижаете себя, дитя мое. Франц вас боготворит до такой степени, что не замечает, что шляпы вам не идут.

Признаю, это суждение привело меня в замешательство. В последнее время меня все задевает, оскорбляет, расстраивает, столько новых для меня ситуаций...

Но тебя, вероятно, интересует, как проходит наш медовый месяц?

Наверное, мне следует ответить, что это идиллия. Франц великолепен, нежен, предупредителен, щедр, мы чудно развлекаемся. Покинув полгода назад Вену, мы исколесили Италию, нанизав на нить нашего путешествия величественные города, пленительные деревушки и внушающие священный трепет соборы. Не будем забывать, что Апеннинский полуостров испокон веков безмерно чарует молодоженов: музеи, переполненные шедевры, отели со свежестроенными номерами, восхитительная кухня, отменное мороженое, чувственное солнце, зовущее к сиесте, слуги, заговорчески поглядывающие на любовников.

Словом, мой медовый месяц бесподобен. Но со-ответствую ли я этому медовому месяцу?

Да-да, все верно, моя Гретхен, та, что пишет эти строки, не знает, что и думать. Боюсь, что со мной что-то не так, — я другая. Отчего я не могу довольствоваться тем, что привело бы в восторг любую другую девушку?

Я попытаюсь объяснить тебе, что со мной происходит, а попутно, быть может, и сама пойму. Для меня детство длилось долго. В то время как ты, моя дорогая кузина, уже была замужем, выкармливала троих младенцев, я упорно оставалась девчонкой и задирала юбки лишь затем, чтобы носиться по полям или перепрыгивать через ручей; я совершенно не воспринимала себя как женщину; при встрече с юношами я испытывала лишь любопытство.

И это доставляло мне радость...

В конце концов — поскольку вокруг твердили, что лишь в объятиях мужчины мне суждено достичь полноты существования и потом когда-нибудь исторгнуть из своего чрева малюток, я — чтобы покончить с упреками — придумала себе роль. Я превратилась в снобистски настроенную девицу, согласную выйти замуж только за человека высокого рода. И хотя я ломала комедию лишь из чувства самосохранения, чтобы отвергать претендентов, это сыграло мне на руку: я выгадала время и потом встретила Франца Вальдберга.

Помнишь, в Женеве мы видели те невероятные армейские складные ножи, где, кроме самого лезвия, имелись еще консервный нож, отвертка и шило? Эти ножи так нравились всем. Так вот, появился Франц! Это не мужчина, а швейцарский ножик.

У него масса достоинств: он представительен, богат, умен, чувствителен, благороден и учтив. Короле, партия, от которой невозможно отказаться.

Может, я вышла за него из гордости?

Боюсь, что в действительности все обстоит куда хуже. Я соединилась с Франком по расчету. Стоп! Речь идет не о длительной, тщательно продуманной интриге и не о честолюбивых планах — это был расчет, основанный на безнадежности.

Когда он попросил моей руки, я решила, что если уж я с ним потерплю неудачу, то вряд ли мне еще так повезет. И я вышла за него замуж, будто пробуя, не поможет ли это лекарство.

Лекарство от чего? От себя самой.

Я не умею быть современной женщиной. Меня так мало интересуют вопросы пола, мужчины, дети, украшения, мода, домашний очаг, кухня и... моя собственная ничтожная персона. Женственность требует поклонения себе, своему лицу, фигуре, волосам, наружности, но кокетство мне чуждо, одеваюсь я кое-как, пренебрегаю косметикой, ем мало. Видя себя нелепо разряженной на фотографиях из коллекции Франца, я упрекаю себя лишь в том, что не довела это до гротеска, потому что тогда это было бы откровенно забавно.

Ты веришь мне? Каждое утро я наряжаюсь дамой. Эти юбки, корсеты, шнуровка, километры лент и тканей, которые я навьючиваю на себя, кажутся мне нелепыми, у кого-то заимствованными. Нет-нет, успокойся, я вовсе не мечтаю превратиться в мужчину. Девчонка, заблудившаяся в стране женщин и пытающаяся изображать из себя взрослую даму, я чувствую себя самозванкой.

Итак, какова была первая брачная ночь? — спросишь ты. С таким настроем от меня всего можно было ожидать... Опыт прошел успешно. Франц был доволен. В меру собственной осведомленности о том, что мне предстоит, я исполняла гимнастические упражнения, реализуя на практике изученный материал, стараясь совершать правильные движения, хотя порой наши действия представлялись мне оскорбительными. Наутро я испытывала трепет удовлетворения: я сдала экзамен. Проблема в том, что потом мне не удалось подавить чувство гордости. Хотя Франц мне нравится, у него нежная кожа, тело приятно пахнет, его нагота меня не слишком впечатляет. Умом я понимаю тот голод, что толкает его ко мне, эти влажные глаза, эти стремящиеся поглотить меня губы, содрогание рук и ног, хриплое прерывистое дыхание, этот пыл, с которым он каждый день в постели сжимает меня в своих объятиях, порой по нескольку заходов; меня зачаровывает его желание, оно не вызывает раздражения; это даже льстит мне.

Но я его не разделяю.

Я никогда не испытываю по отношению к нему подобных порывов.

Я отдаюсь Францу из доброжелательности, из альтруизма, из любезности, ведь я решила, что буду исполнять его желания, насколько это возможно.

Я исполняю свои обязанности как домработница. Мною движет не жажда, не мучительное желание; происходящее почти не доставляет мне удовольствия, разве что удовлетворение от дарованной милости или приятное ощущение, когда, пресытившись, этот сильный мужчина засыпает у меня на плече.

Гретхен, скажи, нормально ли это? В детстве мы с тобой были так близки, что я могу себе позволить задать этот неловкий вопрос. Ты не только старше меня на десять лет, ты гораздо мудрее. Скажи, разве между тобой и Вернером есть подобное несоответствие? Неужто удел женщины — внушать вождение, но не испытывать его самой?

Через неделю я возвращаюсь в Вену, где уже должно быть готово наше семейное гнездышко. Пиши мне туда, Гретхен.

Конечно, я предпочла бы присоединиться к тебе в Инсбруке и проводить время с тобой, но я прежде всего должна разыгрывать хозяйку дома, покупать мебель, выбирать цветы, заставить слуг признать себя, раздавая наобум указания, чтобы упрочить свой авторитет. И безбоязненно встречать членов мужниной семьи... Очевидно, внимание аристократов в первую очередь привлечет мой живот — им ведь необходимо знать, не завелся ли в моем пузе маленький Вальдберг, наследник, что возместит расходы на дорогостоящее путешествие. Но мой живот — он плоский, более плоский, чем перед свадьбой, то есть пустой; вся эта ходьба, переезды и наши упражнения в спальне лишь усугубили мою худобу. В отеле, по окончании ужина, как только Франц отправлялся вместе с мужчинами в курительную комнату, я поднималась в наши апартаменты, раздевалась перед зеркальным шкафом и вглядывалась: никаких признаков! Заранее страшусь увидеть опечаленные физиономии родителей, тетушек и дядюшек Вальдбергов. Заметь, они будут правы: я женщина, не оправдавшая надежд.

Подписываюсь под таким определением.

Не забывай меня, моя Гретхен, и пиши мне, даже если ты сочтешь меня простушкой.

Обнимаю тебя. Передавай привет Вернеру. А сыновьям пока ничего не говори, я везу им венецианские маски.

До скорой встречи,

Твоя Ханна

3

Завидев ее среди танцующих, Энни подумала: «Это что за шлюха?» Потекший макияж на вспотевшем лице, грудь, втиснутая в бюстье из лайкры, обрывок ткани вокруг бедер вместо юбки, — она казалась путаной, нанятой на вечер. К тому же из дешевых! Энни при виде обнаженных бедер, сверкающих пайеток, сапог на высоченных каблуках, что резко подчеркивало ягодичы, решила, что это одна из тех, чье фото помещают в бульварных листках в разделе «Эскорт».

Но из-за злополучного соседа, возомнившего себя королем танцпола, Энни поскользнулась, замахала руками и едва не упала вперед, в последний момент устояв на ногах; и по симметричным движениям, которые проделала бабища напротив, она поняла, что это она сама отразилась в зеркале.

Узнав себя, она заржала.

Это ее позабавило.

В обычное время она никогда бы не проявила подобного чувства юмора, но теперь — при таком количестве выпивки и антидепрессантов — ее смешило все. Она адресовала своему двойнику в зеркале заговорщический жест, он ответил тем же,

Энни приосанилась и продолжала весело дрыгать ногами в исступлении. Динамики исторгали плотный оглушительный шум. При такой громкости полуночники подвергались воздействию звуков, тембров, ритмов, как пловцы, вымотанные накатывающими волнами во время шторма. Впрочем, они пришли сюда, чтобы расслабиться, а не оценивать музыку. Они воспринимали композиции не ушами, а через ступни, грудь, обезумевшее сердце, которое гнало кровь, повинуюсь ритму ударных. Энни устала на шар под потолком. Она обожала это ночное солнце! Капризное солнце. Солнце, способное взорваться. Солнце, которое вращалось все быстрее. И хотя она бы первая поклялась, что нет ничего старомоднее, чем оклеенные зеркальными осколками шары, отражавшие свет прожекторов, посещала она только те ночные клубы, где был такой шар. Здесь, в «Рэд-энд-Блю» на Сансет-бульваре, куда она нынче зачастила, ей очень нравился этот шар; самый фееричный, самый большой, он пробивал тьму, меча разноцветные стрелы, проникавшие в самые отдаленные уголки зала. Здесь, под ним, Энни могла танцевать часами.

«Явится он или нет?»

Разволновавшись, она на какое-то время перестала дрыгать ногами, изумляясь тому, что происходило у нее в мозгу: она кого-то ждала. Она! Энни, самая несентиментальная девушка во всей Калифорнии, в кого-то втрескалась... Феноменально... Вот так новость! С тех пор как она встретилась с Дэвидом на съемках, она знала, в Лос-Анджелесе живет парень, достойный того, чтобы его ждали, подстерегали, жаждали. Вот это метаморфоза!..

Она покинула танцпол и подошла к бару, залитому голубым, как в аквариуме, светом.

— Ну что, Энни, — спросил бармен, — как дела? Тип-топ?

— Ну да, как всегда, тип-топ!

Оба они думали совсем о другом. Бармену новости Энни были до лампочки, он просто профессионально поддерживал разговор со звездой, тогда как сама Энни понимала, что далека и от пика формы, и от вершины своей карьеры. Просто на пике своих каблуков-шпилек.

— Джин-тоник?

— Ты силен — угадал: ты меня просто насквозь видишь!

Реагируя на шутку, он подмигнул в ответ, переигрывая, как плохой актер в комедийном сериале.

— И чего ждет этот кретин? — проворчала Энни, пока бармен демонстративно широким жестом смешивал коктейль. — Что я представлю его какому-нибудь продюсеру, чтобы он получил роль? Да таких тюфяков в Эл-А тысячи! Уже нельзя ничего заказать без того, чтобы в ресторане, баре или отеле какой-нибудь прихлебатель не возомнил себя Брэдом Питтом. Все, кроме меня, актрисы, рвутся сыграть роль.

Она улыбнулась: и правда, она никогда не стремилась сделать актерскую карьеру. Она начала сниматься, когда ей было пять лет, в рекламных роликах, затем снялась в нескольких полнометражных фильмах, чтобы доставить матери удовольствие, и наконец в две тысячи пятом комедия для широкой публики «Папа, я беру твою машину» взорвала летние чарты, превратив ее в звезду. Энни Ли,

любимица Америки! На самом деле она была послушной, выполняла все указания, терпела, но не успела пожелать того, что с ней случилось.

Уставившись в бокал, Энни подумала, что Дэвид, если появится в клубе, вряд ли будет сильно рад видеть пьяную вдрызг девицу; затем, словно одна эта мысль укрепила ее добродетель, она без угрызений совести выпила залпом свой коктейль.

Бармен подмигнул:

— Еще один?

— Почему бы и нет!

Хотя Энни, наверное, уже в тысячный раз произносила эти слова, ей казалось, что она импровизирует, блещет остроумием, сыплет на редкость искрометными репликами. Кстати, отчего это у бармена поблескивают глазки?

Может, дело не в ее остроумии...

«Черт! Неужто я с ним когда-то переспала?»

Она уставилась на бармена. Невозможно вспомнить. Конечно, этот латинос казался ей знакомым... Но почему? Она его здесь уже видела или же они факнулись?

Когда он отошел, она обратила внимание на крепкие ягодицы, обтянутые джинсами. «Точно. Я с ним переспала!» Она засмеялась. «Зачем еще вкалывать в ночном клубе, если не затем, чтобы трахать хорошеньких девушек? Всем известно, что барменам это куда больше по вкусу, чем чаевые».

Она вдруг осознала, что помнит свои поступки настолько смутно, что ей, будто полицейскому, приходится задавать самой себе наводящие вопросы, чтобы установить, перепихнулась она с работником ночного клуба или нет. Ее амнезия показалась ей забавной.

«Я уже столько всего перепробовала, все и не упомнишь. В двадцать лет у меня за плечами тысяча жизней».

Она взглянула на зеркальный шар.

«Но теперь все будет иначе. С Дэвидом такое больше не повторится. Потому что на этот раз речь идет о любви. Это настоящая любовь, которая сотрет все предыдущие грязные, жалкие интрижки, лишённые будущего».

Она вздохнула.

Сначала с восторгом.

Затем с тревогой. А способна ли она на это? Достанет ли у нее мужества пойти Дэвиду навстречу?

Ее охватила паника. Через несколько секунд внутри все дрожало, кожа покрылась испариной. Соскользнув с табурета, она поймала шаткое равновесие на каблуках и, покачиваясь, направилась в туалет.

«Мне нужно прийти в себя. Скорее! Иначе я даже „здрассте“ не смогу из себя выдать в при виде Дэвида».

На полпути к туалету ей чуть полегчало; шум остался наверху, сюда сквозь перегородки доносились лишь отголоски, приглушенные отзвуки. Покинув дико громогласный и слепящий глаза танцпол, она погрузилась в ватные внутренности подземелья дискотеки, где царила иная атмосфера: лабиринт стенок и коридоров, влажность, запахи тела, полумрак.

В красном свете, превращавшем тела в силуэты, она разглядела знакомые лица — Боб, Робби, Том, Присцилла, Дрю, Скотт, Тед, Лэнс... Она приклеилась к Бадди, который, несмотря на белую ко-

жу, был в негритянском прикиде: свободные штаны, яркая цветная рубашка, на голове дреды.

— Бадди, ты приготовил десерт?

— Да, милая. Меренгу.

— Отлично.

— Сколько дашь?

Она вытащила из стрингов банкноту.

— Сотню баксов.

Он протянул ей пакетик:

— Держи.

Понимая, что ее надувают, она, не поблагодарив, схватила пакетик с кокаином и заперлась в туалетной кабинке.

Из крошечной сумочки, золотой петлей обхватывавшей ее левое запястье, она достала зеркальце, соломинку, высыпала порошок на зеркальце и втянула.

— Ах!

Теперь она готова к встрече с Дэвидом, у нее хватит энергии: уф, ей только что удалось спасти свою следующую любовную авантюру.

Идя обратно по коридору, она подсчитала, что переспала почти со всеми парнями, стоявшими вдоль стены и говорившими по мобильнику. Приободренная Энни улыбнулась им мимоходом. Ответили далеко не все. Она возмутилась: «Я с ними трахалась, а они даже на „привет!“ не расщедрились! Вот ничтожества...» Ни одному из них не удалось ее удержать. И ни один не стал сражаться, чтобы покорить ее. Почему? Она споткнулась — какую-то девушку рвало — и ухватилась за первое, что подвернулось под руку. Это был Том, брюнет с ухоженной, якобы натуральной трехдневной щетиной; он

выдавал себя за гуру медитации, что позволяло клеить десятки баб. Энни как-то пару ночей пополнила его коллекцию.

— А-а, Том! Ты кстати. Скажи, хороша я в постели?

Он свистнул, будто его попросили решить алгебраическую задачу.

— Не усложняй себе жизнь, Энни.

— То есть?

— Ну, в постель тебя затащить несложно.

Он потер подбородок: уравнение попало не из легких.

Она настаивала на ответе:

— Какая оценка?

— Средний балл.

— Не больше?

— Средний — это уже прилично.

— Ни хорошо, ни плохо. Почему бы не поставить повыше?

— Потому что тебе это не нравится, цыпонька.

Последнюю фразу Том произнес с нажимом. Видя, что до нее не дошло, он пояснил:

— Ты ведешь себя как шлюха, но ты не шлюха.

Просто выработала привычку.

— Привычку?

— Трахаться. Никому не отказывать. Оценка от этого не повышается.

— Дурак! А тебе не приходило в голову, что это у тебя средний балл, я бы даже сказала, посредственный?

— Ну, хвастаться не буду, но я слышал другое...

Он удалился, сочтя, что разговор закончен. Энни закусил губу: она знала, что у девушек Том пользовался репутацией классного любовника;

кстати сказать, именно поэтому она его и подцепила.

«С Дэвидом нельзя сразу в койку. Надо держаться! Сопротивляться!»

Единственный вывод, который она извлекла из этого разговора.

Она не решалась вернуться на танцпол, боясь, что почерпнутая из наркотика энергия израсходуется на танец. Не лучше ли прикинуть, что говорить Дэvidу? Решив действовать иначе, чем в другие дни — или ночи, она направилась к бару и в течение часа не отходила от стойки, твердя себе: «Не спать с ним сегодня, не спать с ним в первый вечер, ни во второй, ни в третий». Уверенная в том, что изрядно укрепила добродетель, она недрогнувшей рукой влила в себя несколько порций джина с тоником, возбуждаясь с каждым глотком. Так что, когда перед ней появился Дэвид, Энни была пьяна в стельку и смогла лишь расхохотаться.

— О, Дэвид, это невероятно! Только подумала о тебе, и — бац! — ты передо мной! Вот уж не подозревала, что у меня есть колдовские способности.

— Особенно если учесть, что ты сама назначила мне здесь встречу.

Она закудаhtала, как будто он произнес нечто очень остроумное.

— Присядь, выпей.

— Почему бы и нет, в конце концов?

— Дэвид, какой ты забавный...

— Ты здесь часто бываешь?

Установка не выглядит доступной девицей еще не выветрилась из головы, и она с апломбом заявила:

Шмитт Э.-Э.

Ш 73 Женщина в зеркале : роман / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. А. Ренье, Г. Погожевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06182-8

Эрик-Эмманюэль Шмитт — мировая знаменитость, это едва ли не самый читаемый и играемый на сцене французский автор. В удивительном сюжете романа «Женщина в зеркале» сплетаются три истории из трех различных эпох.

Брюгге XVII века. Вена начала XX века. Лос-Анджелес, наши дни.

Анна, Ханна, Энни — все три потрясающе красивы, и у каждой особое призвание, которое еще предстоит осознать. Призвание, которое может стоить жизни.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ

ЖЕНЩИНА В ЗЕРКАЛЕ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 05.02.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-14155-04-R